

ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРѢ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
1 и 16 каждаго
мѣсяца.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Неприятны для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи неустраиваемыя въ теченіе года, уничтожаются.

Годовая цѣна—5 руб.

Высокопреосвященный Никаноръ, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій, 19 октября возвратился въ Варшаву изъ отпуска.

О Т Д Ъ Л Ь I.

Епархiальныя распоряженія и извѣстія

Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: назначить на содержаніе сторожа при Праснышской Рождество-Богородичной церкви, Плоцкой губ., по 80 руб. въ годъ (указъ 25 сентября № 11231).

Утвержденъ въ должности старосты къ домовою церкви при Сувалкской мужской гимназій и. д. инспектора гимназій Иванъ *Добровольскій*, 20 октября.

Зачислены мѣста настоятеля при Гроецкой церкви, Варшавской губ., за псаломщикомъ Мазовецкой церкви, Ломжинской губ. Михаиломъ *Чайковскимъ* и иподіакона при Варшавскомъ Каѳедральномъ соборѣ за псаломщикомъ Бобруйскаго военно-крѣпостнаго собора Алексѣемъ *Минаковымъ*.

Назначенъ художникъ-архитекторъ Александръ *Пурингъ* на должность Холмско-Варшавскаго Епархiальнаго архитектора, съ 1 марта 1906 г.

Перемѣщенъ согласно прошенію старшій псаломщикъ Пултуской церкви Александръ *Соколовъ* на должность младшаго псаломщика къ Сосновицкой церкви, Петроковской губ., съ 1 ноября.

Уволенъ согласно прошенію отъ должности младшій псаломщикъ Сосновицкой церкви, Петроковской губ., кандидатъ богословія Константинъ *Теодоровичъ* съ 1 октября.

Вакантно мѣсто старшаго псаломщика при Пултуской церкви, Варшавской губерніи.

Протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовен-

ства сообщено, что настоятель варшавскаго военно-крѣпостнаго собора, протоіерей Александръ *Златковскій* 6 октября, согласно прошенію, уволенъ отъ службы по военно-духовному вѣдомству, на его мѣсто назначенъ протоіерей церкви варшавскаго военнаго госпиталя Василій *Тиломировъ*, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности благочиннаго неподвижныхъ церквей Варшавскаго военнаго округа, вакансія священника при церкви Варшавскаго военнаго госпиталя предоставлена священнику церкви 20 драгунскаго Ольвиопольскаго полка Іакову *Соколову*.

Письмо предсѣдателя правленія дома трудолюбія въ С.-Петербургѣ къ Его Высокопреосвященству отъ 20 октября с. г. за № 602.

Правленіе Попечительнаго Общества Дома Трудолюбія для мужчинъ съ общежитіемъ и трудового убѣжища увѣчныхъ воиновъ при немъ, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, (Сиб. Графскій, 5), симъ объявляетъ, что съ 10 октября с. г. уполномочія и квитанціонныя книжки, выданныя правленіемъ членамъ сотрудникамъ и прочимъ лицамъ, считаются дѣйствительными только тѣ, которыя, согласно постановленію засѣданія 10 октября, снабжены подписью вновь избраннаго предсѣдателя правленія Михаила Михайловича Арцыбашева или товарища предсѣдателя князя Д. Н. Тенишева.

Редакторъ С. Москалевичъ

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Эсхатология въ р.-католической церкви въ средніе вѣка.

Райская жизнь, изображаемая христіанствомъ, какъ жизнь въ Богѣ и для Бога, у христіанскихъ народовъ очень часто стала представляться, какъ и у народовъ до христіанскихъ. Это жизнь чувственная, это продолженіе земной и преимущественно физической жизни человѣка. Нѣкоторыя народныя сказанія и легенды изображаютъ райскую жизнь почти тѣми же чертами, какими дохристіанскіе, классическіе писатели изображали елисейскія поля. Это „зеленѣющій лугъ, украшенный цвѣтами и пахучими растеніями; на лугу собрано множество людей, одѣтыхъ въ бѣлыя одѣянія, и такой пріятный запахъ наполняетъ это мѣсто, что пребывающіе здѣсь могутъ насыщаться одною пріятностью запаха. Вдали видны разныя жилища, ярко освѣщенные, и между ними особенно выдается одинъ домъ, который кажется, сдѣланъ изъ однихъ золотыхъ кирпичей¹⁾. У другихъ писателей рай изображается приблизительно тѣми же чертами, какими рисовался идеалъ настоящей, земной, въ частности — политической жизни. Это иногда что-то въ родѣ республиканскаго государства, въ которомъ правятъ консулы²⁾ и сенатъ³⁾, имѣя во главѣ Христа. А въ изображеніи одного венеціанскаго поэта XIII вѣка на небѣ заведенъ феодальный порядокъ: Богоматерь-рыцарская дама; у нея свой дворъ; своимъ поклонникамъ она даритъ дорогихъ коней⁴⁾. Можно судить, какъ далеко отошли эти вѣрованія отъ евангельскаго ученія о вѣчной жизни. При такихъ вѣрованіяхъ небо не могло представляться вѣрующимъ высшимъ раскрытіемъ нравственныхъ силъ и стремленій человѣка. О нравственной жизнедеятельности праведныхъ въ раю церковно-народная литература среднихъ вѣковъ говоритъ очень мало. Да объ этой жизнедеятельности и не могло быть рѣчи тамъ, гдѣ создано и господствовало ученіе о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ. Это странное ученіе одно достаточно для того, чтобы убѣдиться, насколько средневѣковые христіане неправильно понимали евангельское ученіе о вѣчной жизни. Святые на небѣ, по мысли ученія о сверхдолжныхъ за-

¹⁾ Григорій Великій. Собесѣдованія, кн. IV, гл. 36, стр. 327; ср. Пруденція, *Namahlb.* ст. 863 и слѣд.: пища въ раю—благоуханіе въ саду цвѣтовъ и растеній. Выше замѣчено, что самъ св. Григорій смотрѣлъ на свои описанія, какъ на образъ вещей. Но невѣжественная масса христіанъ эти образы вещей стала считать подлинными вещами.

²⁾ „*Laurentium Roma coelestis sibi legit perennem consulem.* Пруденція, *Peristephanon*, Migne, s. lat., t, 60; col. 335, 559—560; 553—559.

³⁾ *Ibidem.* 555: „*aeternae marce curiae*“.

⁴⁾ См. у А. Веселовскаго. Данте и символическая поэма католичества. Вѣстникъ Европы, 1866. IV, стр. 174.

слугахъ, являются какими-то кредиторами у Бога, требующими у Него уплаты долга, который постепенно насчитывался за Нимъ въ продолженіе земной жизни праведника. Отношенія святыхъ къ Богу поэтому становятся очень странными, чтобы не сказать больше. Не будемъ останавливаться на нелѣпомъ мнѣніи, по которому Марія является какою-то экономкою у Бога (*Maria est cellaria totius Trinitatis*). Укажемъ на то, что заступничество Богоматери за людей являлось иногда очень страннымъ. Она вырывала грѣшниковъ изъ ада, а когда Сынъ противился Ей или даже хотѣлъ положить предѣлъ Ея слишкомъ частому заступничеству, Она съ большою наивностью указывала Ему на пятую заповѣдь: „чти Отца Твоего и Матерь Твою“¹⁾. Нѣчто подобное замѣчается и въ отношеніи къ Богу другихъ святыхъ. Такъ, по одному сказанію X вѣка, три покойника были обречены на адскія мученія, но бл. Иеронимъ воспротивился этому рѣшенію, и Богъ возвратилъ ихъ къ жизни, чтобы они уснѣли покаяться во грѣхахъ²⁾. Подобные факты особенно важны и характерны тѣмъ, что они прямо вытекаютъ изъ католическаго ученія о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ.

Отмѣтимъ еще одну черту въ средневѣковомъ представленіи рая, особенно рѣзко бросающуюся въ глаза своимъ безнравственнымъ характеромъ. Праведники наслаждаются созерцаніемъ мученій грѣшниковъ. Нѣкоторые св. отцы задавались вопросомъ о томъ, возможно ли блаженство праведныхъ, если одновременно съ этимъ блаженствомъ начнется и мученіе нечестивыхъ. Зв. I. Златоустъ говоритъ по этому поводу, что для чистоты небесной радости истребится и угаснетъ состраданіе къ нечестивымъ³⁾. Это, конечно, не разрѣшаетъ удовлетворительно вопроса; но для насъ важно то, что св. отецъ, очевидно, считалъ страданія нечестивыхъ чѣмъ-то препятствующимъ небесной радости; о злорадствѣ надъ несчастіемъ грѣшниковъ здѣсь нѣтъ рѣчи⁴⁾. Такое же мнѣніе раздѣляетъ св. Григорій Богословъ⁵⁾ и

¹⁾ Прот. А. Лебедевъ. Разности церквей восточной и западной въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи. 1891. Прибавленіе А: извлеченіе изъ соч. Кледена о средневѣк. почит. Богомат., стр. 3.

²⁾ А. Веселовскій, указ. соч. В. Евр., 1866, IV, стр. 181.

³⁾ Бесѣда о совершенной любви. Б. на разн. м. св. Писанія. Т. III, стр. 334—335.

⁴⁾ „Хотя грѣшники и праведно наказываются, однако же Богъ хочетъ, чтобы мы соболѣзновали объ этомъ, а не радовались и веселились. Если Я, Который наказываю, — говорить Онъ, — дѣлаю это не радуясь и не услаждаясь ихъ мученіемъ (Иезек. 18, 23. 32; ср. 33, 11), и ты долженъ подражать Господу и болѣзновать о томъ самомъ, что (грѣшникъ) далъ случай и поводъ къ праведному наказанію“. Златоустъ. Бесѣд. къ Антиох. народу, т. I, Бес. 17, стр. 573—574.

⁵⁾ „Когда я буду восхищенъ отселѣ и коснусь пренебесныхъ жертвъ, къ которымъ не приближается скрытое зло — зависть, тогда и за завистливыхъ буду беззавистно молиться“. Творенія, ч. 4, М. 1844, стр. 270.

св. Исаакъ Сиринъ¹⁾. Но одновременно съ такимъ взглядомъ въ церковной письменности развивается мнѣніе, что мученія грѣшниковъ будутъ доставлять наслажденіе праведникамъ. Поводомъ къ такому ученію послужили, отчасти, тѣ мѣста Ветхаго Завета, гдѣ праведникъ представляется торжествующимъ и радующимся погибели нечестивыхъ. Отчасти же и главнымъ образомъ это ученіе есть остатокъ грубоязыческихъ представлений о будущей жизни. Въ первый разъ это ученіе ясно выражено Тертуллианомъ. „Какое обширное зрѣлище откроется тогда предъ нами, какой предметъ смѣха, радости и удовольствія явится для насъ, когда множество могущественныхъ царей, о которыхъ говорятъ что они взяты на небо, станутъ изъ глубины ада оглашать воздухъ своими воплями! Какое внезапное восхищеніе охватитъ насъ, когда мы увидимъ, что столько правителей, столько судей, столько гонителей имени христіанскаго горятъ неугасимымъ огнемъ, который будетъ гораздо невыносимѣе огня, пожиравшаго мучениковъ, между тѣмъ какъ послѣдніе возрадуются и возвеселятся, взирая на жестокою и вѣчную казнь своихъ мучителей. Прибавьте сюда мудрыхъ философовъ, которые со стыдомъ будутъ горѣть въ огнѣ предъ своими учениками; присоедините сюда поэтовъ, которые неожиданно въ страхѣ предстанутъ предъ судилищемъ Христа. Тогда-то трагическіе актеры подъ бременемъ своего несчастія будутъ испускать вопли плачевнѣе и громче, чѣмъ какими прежде оглашали театр. Тогда-то шуты и гаэры сдѣлаются еще эластичнѣе и гибче отъ огня. Возницы цирка будутъ еще интереснѣе, когда будутъ горѣть въ колесѣ изъ пламени. Впрочемъ, тогда, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на этихъ несчастныхъ, я предпочту обратить свои ненасытные взоры на тѣхъ, злодѣяніе которыхъ простиралось на Самого Господа (іудеевъ). Такого великолѣпнаго и величественнаго зрѣлища не доставитъ тебѣ ни одинъ преторъ, ни одинъ консулъ, ни одинъ жрецъ. Эти наслажденія мы переживаемъ до нѣкоторой степени уже теперь чрезъ вѣру въ своихъ мысляхъ и представленіяхъ“²⁾. Подобныя же мысли, но въ гораздо менѣе рѣзкой формѣ, проводилъ и Григорій Двоесловъ: нечестивые, „хотя на казываются за свое нечестіе, будутъ горѣть и съ другою нѣкоторою цѣлью. Всѣ праведники увидятъ и блаженство въ Богѣ, которое получаютъ, и мученія

грѣшниковъ, которыхъ избѣжали. И чѣмъ яснѣе увидятъ они вѣчное наказаніе за грѣхи, которые побѣдили при помощи Божіей, тѣмъ болѣе будутъ сознавать себя должниками божественной благодати“³⁾. Развитие этой мысли находимъ у средневѣковыхъ богослововъ. „Созерцаніе мученій осужденныхъ услаждаетъ ли славу блаженныхъ, спрашиваетъ Петръ Ломбардъ? Увеличиваетъ ли ихъ блаженство? Объ этомъ говоритъ Григорій (далее приводятся извѣстные слова Григорія Двоеслова)... Итакъ, пусть выйдутъ избранные, не тѣлесно, но мысля или видѣніемъ созерцать мученія нечестивыхъ; види ихъ, они не тронутся скорбью, но удовлетворятся радостью, взирая на мученія нечестивыхъ, которые, по своей свободѣ, претерпѣваютъ невыразимую муку. Посему Исаія, описывая мученія нечестивыхъ и выводя изъ созерцанія ихъ (мученій) радость праведныхъ, говоритъ: „и будутъ выходить, и увидятъ трупы людей, отступившихъ отъ Меня: ибо червь ихъ не умретъ и огонь ихъ не угаснетъ“ (Ис 66, 24). И будутъ (мученія нечестивыхъ) всегда служить блаженствомъ для избранныхъ, возрадуется праведный, когда увидитъ отмщеніе“⁴⁾. Также рѣшительно и въ томъ же духѣ говоритъ другой знаменитый средневѣковый богословъ, Тома Аквинатъ. Всякая радость усиливается, если ей противопоставить печали. Поэтому-то для увеличенія и усиленія блаженства святыхъ имъ даровано видѣть мученія нечестивыхъ⁵⁾. Своего высшаго развитія эта мысль достигаетъ въ средѣ того религіознаго общества, которое особенно заявило себя своимъ ригоризмомъ. Разумѣемъ пуританъ. По ихъ мнѣнію, радости блаженныхъ будутъ глубже и острѣе отъ постояннаго контраста съ мученіемъ грѣшниковъ. „Зрѣлище адскихъ мученій усилитъ блаженство святыхъ подобно тому, какъ вкусъ чего-либо пріятнаго усиливается, если противоположить ему ощущеніе горечи“. „Дымъ отъ мученій нечестивыхъ долженъ восходить ко взорамъ праведныхъ во вѣки вѣковъ. Этотъ дымъ сдѣлаетъ болѣе яркимъ созерцаніе блаженствъ подобно тому какъ обыкновенный дымъ усиливаетъ блескъ стекла. Это будетъ особенно пріятно для всѣхъ, любящихъ Бога; оно дастъ имъ высочайшее и неизреченное наслажденіе. Еслибы прекратился огонь вѣчныхъ мученій, то это въ большой мѣрѣ затемнило бы свѣтъ небесный (т. е. райскій) и положило бы конецъ большей части блаженства и славы блаженныхъ“⁶⁾.

¹⁾ Отъ упоенія любовью къ Богу сердце челоука возгорается о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всѣхъ вообще тваряхъ безъ различія добрыхъ и злыхъ. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ очи у челоука источаютъ слезы. О врагахъ истины и о дѣлающихъ ему вредъ ежечасно со слезами приносятъ молитву, чтобы сохранились и были помилованы“. Слово о различ. добродѣт. Творенія. 1854. М., стр. 253—254.

²⁾ De spectaculis, caput XXX, Migne, s. lat., t. I. col. 660—662.

³⁾ Собесѣдованія, кн. IV, изд. 1858, стр. 348.

⁴⁾ P. Lombard. Sentent., lib. IV, Distinctio 50, 7. p. 452.

⁵⁾ Patrolog. curs. complet. patrum latin. tradit. catholico. P. Lombard. Sentent. et. Thom. Aquin. Summa Theol. T. IV, col. 1393 (Pars. III, Suppl. 94, art. I).

⁶⁾ Park, Memoir. ot Hopkins, p. 201—202. См. у Alger'a указ. соч., p. 541.

Гораздо болѣе развито въ представлѣнїяхъ средневѣковыхъ христіанъ ученіе объ адѣ. Всякаго, занимающагося исторіей среднихъ вѣковъ, невольно поражаетъ необыкновенная яркость и пластичность образовъ ада, предъ которыми картины неба становятся чѣмъ-то блѣднымъ, тусклымъ, едва замѣтнымъ. „Отъ IX до XVI вѣка, говоритъ Альджеръ, ни одна доктрина не была на столько центральной, устойчивой и вліятельной въ общемъ ученїи и практикѣ церкви, не обсуждалась столь широко и не производила столь сильнаго впечатлѣнія на христіанъ, какъ ученіе о чистилищѣ и страхъ предъ чистилищнымъ огнемъ“¹⁾.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе представленія средневѣковыхъ христіанъ о нечистой силѣ. Если Евангеліе представляетъ діавола олицетвореніемъ всякаго нравственнаго зла, то средневѣковыя сказанія говорятъ о немъ, какъ объ олицетворенїи всего непрїятнаго, физически уродливаго и безобразнаго. Онъ представлялся то въ образѣ еврея—жиды, то —язычника, то карлика, то титана. Его величали то „волкомъ, съ жадностью похищающимъ души“, то „адскою собакою“. Его, наконецъ, считали „пародїей на Бога съ матерью, которая подражаетъ Дѣвѣ Марїи“²⁾. Таковъ властитель ада. — Самый адъ мыслился, какъ опредѣленное мѣсто со входами и выходами, съ дѣленіями и подраздѣленіями. Адская жизнь носитъ вполне земной, физическій характеръ. „Одинъ праведникъ, умирая, послалъ слугу къ другу съ словами: „иди скажи, чтобы онъ шелъ, потому что готовъ уже корабль, на которомъ намъ нужно ѣхать въ Сицилію“. Къ этому сказанію прибавлено слѣдующее объяснительное дополненіе: „свидѣтельство умирающаго, что его повезутъ въ Сицилію, можетъ означать то, что на сихъ островахъ, по преимуществу предъ другими мѣстами, изъ горныхъ жерлъ извергаемый огонь приготовленъ для мученій. Эти жерла, какъ разсказываютъ видѣвшіе ихъ, ежедневно расширяются въ своемъ объемѣ, такъ что, чѣмъ болѣе съ приближеніемъ конца міра собирается туда грѣшниковъ, назначенныхъ для мученія въ огнѣ, тѣмъ болѣе расширяются и самыя мѣста мученій“³⁾. Въ подоб-

ныхъ сказанїяхъ, особенно — какъ понимала ихъ масса вѣрующихъ христіанъ, представленіе о душѣ откровенно матеріализируется, и величина физическаго явленія ставится въ непосредственную, причинную связь съ количествомъ грѣшныхъ душъ. — Въ самомъ адѣ появляется классическій образъ судьи грѣшниковъ, хотя и не носящій уже классическаго имени. Этотъ судья нечестивыхъ—не всевѣдущій Господь, а ограниченное существо, вѣлнїя котораго могутъ не исполняться или исполняться неправильно. „Одинъ умершій былъ отведенъ къ адскому судѣ, но судья не принялъ его и сказалъ: „не этого Стефана я велѣлъ привести, а другаго Стефана, его сосѣда. Послѣ того умершій тотчасъ же ожилъ, а другой Стефанъ умеръ“⁴⁾. Въ судѣ надъ умершимъ „пороки и добродѣтели выступаютъ лично и принимаютъ участіе въ спорѣ; высокомеріе, лѣнь, расточительность и др. открываютъ свое прошлое, потомъ *raguae virtutes*, въ томъ числѣ послушаніе и постъ, являются въ лицахъ предъ грозными судьями и требуютъ долгаго воздаянїя“²⁾. — Мученія ада носятъ главнымъ образомъ физическій характеръ. Эти страшные образы мученій хорошо извѣстны по классической „Божественной комедїи“ Данте.

Дѣло спасенія стало мыслиться не какъ непрерывный процессъ нравственнаго усовершенствованія человѣка, а скорѣе—какъ дѣло случая, протекціи или личной ловкости. Укоренившійся въ сознанїи средневѣковыхъ христіанъ взглядъ на небесную жизнь, какъ на абсолютный покой и ничего недѣланіе, ставши основою нравственной жизни, подорвалъ стремленіе человѣка къ нравственной дѣятельности. Идеаломъ нравственной жизни для многихъ христіанъ стало не дѣятельное стремленіе къ Боже-ству, не стремленіе усвоить себѣ, насколько возможно, Его совершенства, а— пассивное, бездѣятельное созерцаніе этихъ совершенствъ. Таково первое слѣдствіе средневѣковъ и вѣры въ будущую жизнь. Это слѣдствіе имѣло отношеніе не ко всѣмъ христіанамъ, а только къ „избраннымъ“, къ тѣмъ, которые считали себя способными созерцать Божество. Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что съ этимъ „созерцаніемъ“ Божества въ причинной связи стоитъ средневѣковая ацеція (*acedia-ακηδεια*). Это такое душевное состояніе, которое часто испытывалось людьми, предававшимися односторонне-созерцательной жизни, при отсутствїи силы и призванія къ такой жизни. Такіе люди про-никались отвращеніемъ ко всему, даже къ самому

напротивъ—совѣмъ забывать ученіе св. отца, что душа не нуждается въ возницѣ, и вѣрить, что разсказы, собранные св. отцомъ, не „образы вещей“, а самыя подлинныя вещи.

¹⁾ Собесѣдованія, гл. 36, стр. 326—327.

²⁾ См. А. Пономаревъ, цит. статья, Хр. Чт. 1878, № 5, стр. 790.

¹⁾ Alger. Указ. соч., p. 411—412.

²⁾ Grimm. Deutsche Mythologie, cap. XXXIII (Teutel) 1844, B. II, s. 939 и далѣе.

³⁾ Собесѣдованія, стр. 321—323. — Какое значеніе придавалъ этому разсказу самъ св. Григорій Двоесловъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ, какими онъ сопровождаетъ приведенный разсказъ: „Душа не нуждается въ возницѣ, но не удивительно, если человѣку, находящемуся еще въ тѣлѣ является то, что привыкъ онъ видѣть тѣлесными очами, дабы онъ понялъ чрезъ это, какимъ образомъ душа можетъ быть препровождаема духовно“. (Тамъ же, стр. 322). Не такъ смотрѣла на этотъ и подобные ему образы невѣжественная масса христіанъ. Привычный образъ, вопреки ожиданіямъ св. отца, помогаль этой массѣ не понимать, „какимъ образомъ душа можетъ быть препровождаема духовно“, а—

существованію, при чемъ и высочайшія религіозныя мысли для нихъ дѣлались пустыми и безсодержательными. Мартенсенъ утверждаетъ, что это настроеніе было господствующимъ въ средніе вѣка¹⁾.

Болѣе слабыя христіане воспользовались для себя другою стороною средневѣковой эсхатологіи. Они стали смотрѣть на спасеніе, какъ на дѣло протекціи. Протекція въ дѣлѣ спасенія стала дѣломъ естественнымъ послѣ того, какъ возникло ученіе о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ. По этому ученію, святые считали себя въ правѣ требовать отъ Бога воздаянія, какъ платы за свои сверхдолжныя дѣла. Имъ самимъ эта плата была уже не нужна: они и безъ того наслаждались райскою жизнью. И вотъ они дарятъ эту плату слабымъ смертнымъ. Выше указанъ одинъ случай, какъ бл. Иеронимъ воспротивился суду Божію надъ человѣкомъ. Особою часто подобное сопротивленіе обнаруживала — будто-бы Божія Матерь. Ея требованія отъ рода человѣческаго были самыя скромныя. Она не требовала ни перемѣны душевнаго настроенія, ни покаянія, ни добрыхъ дѣлъ, а только молитвы, поклоненія и прославленія Ея. Самымъ ужаснымъ грѣшникамъ стоило только воззвать къ Ней, и они могли быть увѣрены въ полученіи блаженства; а по стихотворенію нѣкоего Теофила, можно было даже отречься отъ Бога, отдаться діаволу и все-таки попасть на небо, если только этотъ человѣкъ не отречется отъ Дѣвы²⁾. Для полученія небеснаго блаженства достаточно было жить въ тѣхъ обществахъ, которымъ покровительствовала св. Дѣва. По увѣренію кармелитовъ, вотъ что торжественно обѣщала св. Дѣва генералу ихъ ордена, Симону Стоккію (16 іюля 1251 г.). „Пусть у тебя и у твоего ордена будетъ слѣдующая привиллегія: кто умретъ въ этомъ орднѣ, тотъ не испытаетъ чистилищнаго огня“. Другая вариация: „члены ордена, носящіе на себѣ кармелитскій нарамникъ, да возрадуются обѣщанію: они уйдутъ изъ этой жизни въ состояніи благодати“. Вскорѣ послѣ этого въ новомъ откровеніи Марія объявила: „люди съ нарамниками не только будутъ освобождены отъ адскихъ мученій, но и отъ исправительнаго выкупа чистилищнаго огня“. Привиллегія эта носила названіе *privilegium Sabbatinum*. „Я, Матерь, въ субботу послѣ ихъ смерти сойду въ преисподнюю и кого (т. е. изъ кармелитовъ) найду въ чистилищномъ огнѣ, избавлю отъ него и приведу къ святой горѣ вѣчной жизни“. Папа Іоаннъ XXII утвердилъ эту привиллегію: „я принимаю, скрѣпляю и утверждаю эту св. индульгенцію на землѣ такъ же, какъ Сынъ Божій разрѣшилъ ее, вслѣдствіе заслугъ Дѣвы Маріи, на небѣ“. Ее же защищали и утверждали

папы Бенедиктъ XIV и Александръ V (буллою 7 декабря 1409 года). Въ 1609 году епископъ и инквизиторъ португальскій Петръ Кастильскій запретилъ кармелитамъ проповѣдывать объ этой привиллегіи. Но папа Павелъ V (15 февр. 1613 года) постановилъ: „Кармелиты имѣютъ право проповѣдывать, что католики могутъ имѣть вѣру въ помощь отъ кармелитовъ и ихъ Патронессы“¹⁾. Такимъ образомъ, кармелитская привиллегія имѣла цѣлую исторію и приобрѣла значеніе для всей католической церкви съ XIII до XVII вѣка — Іезуиты присвоили себѣ такую же привиллегію, но ссылались уже не на Дѣву Марію, а на св. Терезу, обѣщавшую будто бы въ видѣніи, что каждый умершій членъ ихъ ордена тотчасъ же по смерти получаетъ блаженство. — Слова, будто бы сказанныя кармелитамъ св. Дѣвою іезуиты влагали въ уста св. Терезы, о чемъ между этими орденами велись постоянные споры²⁾. Подобную же привиллегію имѣлъ орденъ францисканцевъ. Въ память чудесъ св. Франциска, папа постановилъ, что всѣ, посѣщающіе его церковь между навечеріями 1 и 2 августа (годовой праздникъ св. Франциска) получаютъ разрѣшеніе во всѣхъ грѣхахъ, совершенныхъ ими со дня крещенія. Болѣе 6000 пилигримовъ посѣщали ежегодно эту церковь въ указанные дни. Соборъ Базельскій утвердилъ ученіе францисканцевъ, будто ихъ патронъ ежегодно сходитъ въ чистилище и уводитъ оттуда на небеса души всѣхъ, принадлежавшихъ къ ихъ ордену³⁾.

Наконецъ, необходимо еще упомянуть о торговлѣ индульгенціями, стоящей въ тѣсной связи съ католическимъ ученіемъ о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ и имѣвшей самое губительное вліяніе на нравственность. Распространяться объ этомъ предметѣ нѣтъ надобности, — онъ достаточно всѣмъ извѣстенъ. Здѣсь лишь въ качествѣ иллюстраціи безнравственнаго характера торговли индульгенціями достаточно указать на практику Тецеля. Этотъ доминиканецъ утверждалъ, что онъ „спасъ отъ адскихъ мученій продажею индульгенцій большее количество душъ, чѣмъ св. ап. Петръ обратилъ къ христіанству своею проповѣдью“.

Всѣ эти и подобныя вѣрованія могли только подорывать нравственную энергію христіанъ: благодаря имъ, христіане смѣтрѣли на спасеніе, не какъ на дѣло личнаго нравственнаго самосовершенствованія, а какъ на дѣло, зависящее отъ протекціи, случая и богатства.

Кажется, почти всѣ свои силы средневѣковой христіанинъ употреблялъ на то, чтобы избавиться отъ адскихъ мученій; вся жизнь, по его представленію должна быть сплошнымъ подвигомъ, посред-

¹⁾ Alger. цит. соч., p. 418; ср. D-r Friedrich, *Der Mechanismus der Vatikanischen Religion*, S. 7—9.

²⁾ D-r Friedrich, цит. соч., S. S.

³⁾ Alger, цит. соч., p. 417—418.

¹⁾ Мартенсенъ, т. I, ч. I, стр. 387.

²⁾ Указ. соч. прот. А. Лебедева. Прибавленіе А, стр. 3.

ствомъ котораго онъ, такъ сказать, откупался отъ адскихъ мученій. Такой взглядъ на жизнь и на значеніе адскихъ мученій выработался постепенно подвліяніемъ историческихъ условій. Умѣренно проводимый въ жизни, онъ имѣлъ благоприятное вліяніе на нравственное поведеніе человѣка. Выше уже замѣчено, что христіанство проповѣдано грѣшному человѣку, и первое слово христіанской проповѣди было; „покайтесь“! Христіанство угрожало человѣку погибелью, адомъ, если онъ не покается, не обратится на путь истины. И многіе евреи и язычники обращались въ христіанство подвліяніемъ этой угрозы, еще не сознавая всей высоты христіанскаго ученія. Къ сожалѣнію, мнѣніе о благотворномъ вліяніи страха предъ будущимъ обсужденіемъ уже въ IV вѣкѣ стало преувеличиваться. Еще дальше пошло преувеличеніе благотворнаго вліяніи страха въ средніе вѣка. Страхъ этотъ, постоянно, съ дѣтства ввѣдряемый въ сознаніе человѣка, сковалъ душу немощнаго вѣрующаго, навелъ на него такой ужасъ, что онъ уже не могъ ни минуты спокойно думать и дѣйствовать. Единственно, чего онъ хотѣлъ, это — избавиться отъ ужаснаго загробнаго осужденія. За этимъ желаніемъ совсѣмъ ступшевалась надежда на вѣчную жизнь. „Лишь бы избавиться отъ адскихъ мученій, а о вѣчной жизни и думать нечего, да и не грѣшно ли грѣшникамъ обольщаться надеждою на эту жизнь“? Въ качествѣ эмблемы этого настроенія Лекки указываетъ на одну фреску въ монастырѣ Павія. Эта фреска представляетъ монаха со сложенными руками и съ выраженіемъ мучительнаго страха на лицѣ; онъ наклоняется надъ долиной, гдѣ видѣніе рисуетъ ему страданіе грѣшниковъ; надпись на картинѣ высказываетъ его единственную мучительную мысль: „*quis sustinebit, ne descenbam moriens*“¹⁾. Конечно, до подобнаго настроенія доходили люди нравственно убитые, отчаявшіеся въ себѣ. Но и другіе средне-вѣковые христіане, не потерявшіе еще надежды на вѣчную жизнь, боялись надѣяться на эту жизнь, боялись этою надеждою навлечь на себя гнѣвъ Божій. Они забыли слова апостола любви: „въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви“ (1 Иоан. 4, 18). Страхъ, а не любовь, былъ господствующимъ настроеніемъ среднихъ вѣковъ. „Идея конца міра, говоритъ Мишле, мрачная, какъ самый этотъ міръ, была въ одно и тоже время и надеждой и ужасомъ среднихъ вѣковъ. Посмотрите на древнія статуи X и XI вѣковъ, нѣмая и истощенная; на ихъ сморщенные и жесткія черты съ выраженіемъ живыхъ страданій, соединенныхъ съ предсмертными конвульсіями. По-

смотрите, какъ они молятся о томъ, чтобы пришелъ желанный, однако ужасный моментъ воскресенія, который долженъ воздать имъ за ихъ невыразимыя скорби и воздвигнуть ихъ отъ небытія въ бытіе, отъ гроба—къ Богу!“¹⁾.

Что же предпринималъ средне-вѣковый христіанинъ для того, чтобы избавиться отъ мученій ада? Повидимому, онъ долженъ былъ для этого вести чистую жизнь. Такъ и старался поступать средне-вѣковый христіанинъ. Но грубый взглядъ на будущую жизнь и въ данномъ случаѣ неблагоприятно отразился на его поведеніи. Благодаря этому взгляду, христіанинъ старался часто не столько о своей нравственной чистотѣ и освобожденіи отъ грѣха, сколько о томъ, чтобы перехитрить, обмануть нечистую силу. Разказы о хитрости, ловкости и умѣнии обмануть діавола были очень популярны въ средніе вѣка, а люди, сумѣвшіе провести нечистую силу, прославились наряду съ подвижниками правды. Въ качествѣ иллюстраціи этой мысли приведемъ нѣсколько примѣровъ. Древнее преданіе рассказываетъ, что одинъ ученый чернокнижникъ, какой то Петръ Шлемиль, долженъ былъ пройти чрезъ преисподнюю. Тамъ діаволь схватилъ его, но чернокнижникъ успѣлъ вырваться, и сатана могъ удержать въ своихъ рукахъ одну только тѣнь его. Съ тѣхъ поръ этотъ ученый никогда уже не имѣлъ тѣни! А одна очень популярная легенда рассказываетъ, какъ нѣкто вступилъ въ договоръ съ діаволомъ съ условіемъ, въ продолженіе каждаго столѣтія поставлять для ада одну человѣческую жертву. Выполняя это условіе, онъ могъ проводить радостную жизнь, быть богатымъ, сильнымъ и даже обладать нѣкотораго рода вездѣприсутствіемъ. Но если въ послѣдній годъ столѣтія онъ не доставитъ новой жертвы, тогда его собственная душа должна отправиться въ адъ. Такъ онъ прожилъ 4 или 5 столѣтій и тогда, не смотря на свои отчаянныя усилія, былъ обманутъ выслѣживаемой имъ добычей въ послѣднюю ночь столѣтія. И вотъ когда часы пробили двѣнадцать, діаволь вломился къ нему и схватилъ его среди ударовъ грома и воя чертей²⁾. Чѣмъ то чудовищнымъ представляется эта вѣра въ могущество діавола, который является какимъ-то властителемъ міра; раздающимъ своимъ слугамъ не только внѣшнія блага, но надѣляющимъ ихъ даже вездѣприсутствіемъ. Гдѣ же Богъ Всемогущій, гдѣ Тотъ Сильный, Который побѣдилъ силу ада и связалъ его начальника? Только нравственная грубость могла создать такую легенду, а тѣмъ болѣе сдѣлать ее популярною. Та же нравственная грубость создала и безчисленные письменные договоры людей съ діаволомъ, которыми люди запродавали свои души діаволу, требуя отъ него взамѣнъ этого благъ земныхъ.

¹⁾ Лекки. Раціонализмъ въ Европѣ. Спб., 1871, т. I, стр. 252—253.

¹⁾ Alger, цит. соч., p. 416.

²⁾ Alger, цит. соч., p. 413.

Странное дѣло, и самъ діаволь, по сознанію средне-вѣковыхъ христіанъ, только тогда чувствовалъ себя въ правѣ предъявить, такъ сказать, искъ къ чело-вѣку, когда у него были оправдательные документы, а люди чувствовали освобожденіе отъ грѣховъ въ томъ случаѣ, когда эти оправдательные документы удавалась такъ или иначе похитить у діавола. „Св. Брицій однажды во время обѣдни увидѣлъ въ церкви діавола, считающаго грѣхи, содѣянные конгрегаціей. Діаволь записалъ всѣ ихъ на пергаментѣ, боясь за-быть какой-нибудь изъ грѣховъ, и, схвативъ перга-ментъ зубами, когтями сталъ карабкаться къ выходу. Но его схватили (вѣроятно ангелы) и головой сильно стукнули объ стѣну. Св. Брицій, увидѣвши это, громко засмѣялся. Очередной священникъ сдѣлалъ ему за это выговоръ, но когда Брицій разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, тотъ воспользовался случаемъ для назиданія предстоящихъ“¹⁾.

Всѣ эти разсказы принимались средне-вѣковыми христіанами на вѣру, безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ истинности. Эта довѣрчивость давала возможность желающимъ прямо выдумывать разныя небылицы и ими запугивать невѣжественную массу. Особенно развиваются эти запугиванія послѣ того, какъ изъ нихъ стало возможнымъ извлекать выгоды. Еще въ IX вѣкѣ Карлъ Великій жаловался на то, что, епи-скопы и аббаты получаютъ обѣщанія и угощенія у невѣжественнаго народа „*Suadendo de coelestis regni beatitudine, comminando de aeterni supplicio interni*“. „Книга видѣній“ XI вѣка осуждаетъ на мученія въ чистилищѣ всѣхъ, незаконно присвоившихъ себѣ что либо изъ монастырскихъ владѣній,—осуждаетъ ихъ страдать тамъ до тѣхъ поръ, пока наслѣдники ихъ не возвратятъ назадъ присвоенное...²⁾.

Дѣло спасенія христіанъ сталъ мыслить, какъ что-то механическое или магическое, какъ дѣло про-текціи или ловкости. Для полученія блаженной жизни требовалось не столько нравственное совершенство, сколько счастливый случай. Случай, судьба,—вотъ на что сталъ надѣяться чело-вѣкъ, желавшій освободиться отъ мученій ада и пойти въ рай. Отсюда уже одинъ шагъ до мрачнаго ученія кальвинизма. Ученіе о предопредѣленіи — не выдумка суроваго реформа-тора, а тѣмъ болѣе не отъ него зависѣло распро-страненіе этого ученія. Оно развивалось въ народ-номъ сознаніи столѣтіями вслѣдствіе неправильныхъ, неправственныхъ представленій о дѣлѣ спасенія. Оно выразилось, хотя и слабо, въ ученіи о привилегіяхъ монастырей, о покупкѣ будущаго блаженства индуль-генціями и т. п. Прввда, здѣсь спасеніе все же зави-ситъ отъ чело-вѣка. Но, вѣдь, многіе не могли купить индульгенціи, и, вслѣдствіе этого, не имѣющаго ни-какого отношенія къ нравственности, обстоятельства,

ихъ спасеніе затруднялось. Такъ какъ богатство ма-теріальное весьма часто совершенно не соотвѣтству-етъ богатству духовному, поставить послѣднее въ зависимость отъ перваго — значитъ сводить спасеніе на дѣло случая, отдавать его на произволь судьбы.

Въ заключеніе сдѣлаемъ оговорку. Было бы вопіющею несправедливостью говорить, что такими представленіями о спасеніи жило все средне-вѣко-вое чело-вѣчество. Евангельское ученіе о спасеніи въ союзѣ съ естественнымъ нравственнымъ чув-ствомъ у многихъ средне-вѣковыхъ христіанъ дѣй-ствовало самостоятельно, прорывая мертвящія и у-бивающія нравственность оковы суевѣрныхъ и гру-быхъ взглядовъ массы¹⁾.

НЕКРОЛОГЪ.

Петръ Ивановичъ Марковъ.

15 сентября с. г. скончался послѣ непродолжи-тельной болѣзни, на 43 году жизни, учитель грече-скаго языка въ Варшавскомъ духовномъ училищѣ Петръ Ивановичъ Марковъ. Покойный былъ родомъ изъ Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи. По окончаніи въ 1887 г. курса московской духовной академіи со степенью кандидата богословія П. Ив. занималъ нѣкоторое время должность воспитателя въ одномъ изъ привилегированныхъ учебныхъ заве-деній г. Москвы, а затѣмъ былъ опредѣленъ на дол-жность преподавателя догматическаго и нравствен-наго богословія въ Олонеккой духовной семинаріи. Изъ г. Петрозаводска онъ перешелъ на службу въ Холмское духовное училище, гдѣ занималъ дол-жность учителя русскаго языка въ 1 классѣ. Назна-ченіе его на должность учителя греческаго языка въ варшавскомъ духовномъ училищѣ состоялось въ 1894 году.

Простой и крайне непритязательный въ образѣ жизни, покойный Петръ Ивановичъ отличался пря-мотой. Состоя въ должности воспитателя въ одномъ изъ московскихъ учебныхъ заведеній, онъ не вы-держалъ той атмосферы распушенности, которая господствовала среди воспитанниковъ, и черезъ ко-роткое время оставилъ должность воспитателя. То-чно такъ же онъ поступилъ, когда, занимая кафедру богословія, пришелъ къ убѣжденію, что этотъ возвышенный предметъ должны преподавать лишь лица духовнаго сана, согрѣтыя теплою вѣрою.

Въ отношеніи къ воспитанникамъ покойный обна-руживалъ рѣдкую доброжелательность, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы не упустить даже мелочей, которыя бы могли послужить къ надлежащей оцѣнкѣ ученическихъ успѣховъ.

Помимо занятій по должности, Петръ Ивановичъ интересовался различными вопросами общественнаго и научнаго характера. Большая начитанность его въ разнообразныхъ отрасляхъ знанія, особенно въ области богословія, дѣлала его очень цѣннымъ себе-сѣдникомъ, хотя вслѣдствіе замкнутости жизни ему

¹⁾ Alger, цит. соч., p. 413—414.

²⁾ Migne, s. lat. t. 146. Visio VII, col. 360—361.

¹⁾ Заимствовано въ сокращеніи изъ книги г. Никольскаго „Вопросы жизни“.

не такъ часто случалось разговаривать. Занять онъ былъ между прочимъ усовершенствованіемъ перевода съ греческаго языка церковныхъ писаній, намѣреваясь со временемъ опубликовать плоды своихъ трудовъ; но смерть пресѣкла всѣ благія намѣренія.

Печальныя событія послѣднихъ лѣтъ, при глубокомъ патриотизмѣ Петра Ивановича, серьезно потрясли его подломленное здоровье и ускорили обостреніе таившейся болѣзни, которая закончилась такъ печально.

Миръ праху почившаго!

И. О.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ воскресенье, 21 октября, въ высокаторжественный день восшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича, въ православномъ Каѳедральномъ соборѣ Св. Троицы Высокопреосвященнымъ Никаноромъ, Архіепископомъ Варшавскимъ и Кривислинскимъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства, совершена была божественная литургія, а послѣ нея благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Алексію Николаевичу и всему Царствующему Дому. На богослуженіи присутствовали начальники отдѣльных частей и управленій военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, придворныя чины, иностранныя консулы и другія лица. При провозглашеніи многолѣтія съ валовъ Александровской цитадели былъ произведенъ установленный пушечный салютъ.

* * *

28 октября въ Каѳедральномъ соборѣ Св. Троицы отъ группы варшавскаго русскаго населенія состоялось торжественное поднесеніе иконы Холмской Божіей Матери члену Государственной Думы С. Н. Алексѣеву. По окончаніи всенощной Высокопреосвященный Никаноръ, окруженный соборнымъ и приходскимъ духовенствомъ, при полномъ освѣщеніи храма, вышелъ на солею и обратился къ С. Н. Алексѣеву съ краткимъ прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ выразилъ надежду, что С. Н. Алексѣевъ будетъ работать въ Думѣ во славу Государя и на пользу дорогой родины, при молитвенномъ обращеніи къ небесной помощи Божіей Матери, образомъ которой и благословилъ Владыка депутата. Высокопреосвященный сказалъ: „Пусть заботы націи направляются къ тому, чтобы просвѣщеніе всюду проникло, чтобы народъ благоденствовалъ. Государь радовался, церковь торжествовала, видя вѣру и благочестіе своего народа“. Затѣмъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, а также и „новоизбранному члену Государственной Думы Сергію Николаевичу Алексѣеву“.

Объявленія.

Въ концѣ года выходитъ новымъ изданіемъ книга „Сборникъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ о бранѣ и разводѣ“, С. П. Григоровскаго. Духовенству авторъ предоставляет возможность приобрести эту книгу за удешевленную цѣну (за два рубля вмѣсто трехъ номинальныхъ), но при условіи, если ему заранее, до выхода въ свѣтъ книги, будутъ извѣстны желающіе воспользоваться этою льготой. Адресъ автора: Петербургъ, Литейный, 32.

Вышла и рассылается октябрьская книжка „Христіанскаго чтенія“ за 1907 г.

Содержаніе ея:

I) Св. Апостоль Павелъ и стоицизмъ. Профессора Н. П. Глубоковскаго. II) Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова. Профессора-протоіерея А. П. Рождественскаго. III) Идеальное всепастырство, раскрытое въ девятой заповѣди блаженства. Священника П. М. Кремлевскаго. IV) Научно-богословское самооправданіе христіанства. Профессора А. Берту. V) Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ въ двадцатыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія. П. В. Верховскаго. VI) Новая книга. Проф. А. Спасскій. Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени. I. Томъ первый. Тринитарный вопросъ (Исторія ученія о св. Троицѣ). Сергіевъ посадъ 1906 (стр. 652 II). Цѣна 2 р. 50 коп. Профессора А. И. Бриллиантова. Въ приложеніи: VII) † Профессора В. В. Болотова лекція по исторіи древней церкви. VIII) Журналы засѣданій совѣта с.-петербургской духовной академіи за 1906/7 годъ. Адресъ редакціи: Невскій пр., д. 182, кв. 2, въ С.-Петербургѣ.

Вышла книга журнала „Богословскій Вѣстникъ“ за сентябрь мѣсяць 1907 г., издаваемаго Московскою духовною академіею.

Содержаніе:

Святаго отца нашего Кирилла Архіепископа Александрийскаго толкованіе на Евангеліе отъ Іоанна. — Научныя задачи и методы исторіи философіи. П. В. Тихомирова. — Соціализмъ и общее міровоззрѣніе. В. Ф. Эрнъ. — Къ вопросу о церковномъ имуществѣ и отношеніи государства къ церковнымъ недвижимымъ имѣніямъ въ Россіи. П. Д. Кузнецова. — Каноническія опредѣленія брака и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго брака заключенія. И. М. Громогласова. — Изъ очерковъ современнаго англиканства. VII. Къ вопросу о нарушеніяхъ устава англійской государственной церкви (т. н. вопросу о ритуализмѣ). Дякона П. А. Преображенскаго. — Письмо прот. Александра Васильевича Горскаго отъ 7 марта 1867 г. къ Митрополиту Московскому. — Одинъ изъ большихъ вопросовъ приходской жизни. (По поводу новой инструкціи настоятелямъ церквей). Священника А. К. Рождественскаго. — Новая учебная пособія по исторіи русской словесности. С. П. Казанскаго. — Автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго. — Отчетъ о состояніи братства Преподобнаго Сергія для вспомоществованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской духовной академіи за 1906 годъ. — Объявленія.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. — Письмо предсѣдателя правленія дома трудолюбія въ С.-Петербургѣ къ Его Высокопреосвященству. — Отдѣлъ II. Эсхатологія въ р.-католической церкви въ средніе вѣка. — Некрологъ. — Мѣстныя извѣстія. — Объявленія.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Дозволено Цензурою—Варшава, 28 октября 1907 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Краковское Предмѣстье № 3.